

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707

ЗОНЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

С.В. Мареева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: s.mareeva@gmail.com)

Сложные экономические условия, характеризовавшие в последние несколько лет жизнь страны, актуализируют проблему оценки благополучия населения — как объективного, так и субъективного. Статья посвящена определению границ и характеристик субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе. На данных общероссийского опроса, проведенного в 2018 году Институтом социологии ФНИСЦ РАН, с помощью кластерного анализа выделены зоны субъективного благополучия и неблагополучия, а также промежуточная зона. Автор показывает, что зона субъективного благополучия сегодня меньше, чем неблагополучия: ее представители характеризуются высокими оценками всех аспектов жизни, в том числе не относящихся к доходам и потреблению, в то время как субъективное неблагополучие выражается в неудовлетворенности своим материальным положением и возможностями отдыха и отпуска на фоне удовлетворительных оценок остальных аспектов жизни. Зона субъективного неблагополучия формируется не столько за счет низких доходов, сколько в результате проблем, с которыми люди сталкиваются в повседневности и не в состоянии решить самостоятельно. Различия в положении россиян из двух полярных зон обуславливают различия их запросов к социальной политике, причем речь идет не столько о расхождении приоритетов, сколько об интенсивности запросов. Ключевые сферы, в которых все население ждет сегодня помощи от государства, — это обеспечение справедливой оплаты труда и налаживание работы системы здравоохранения. Специфика положения выделенных групп свидетельствует, что без решения этих проблем зона субъективного неблагополучия вряд ли будет сокращаться даже в условиях роста доходов. Что касается их локализации, то зона неблагополучия смещена в сельскую местность, старшие возраста и сферу занятости физическим трудом, в то время как зона благополучия локализуется сегодня в молодом городском «среднем классе».

Ключевые слова: субъективное благополучие; субъективное неблагополучие; удовлетворенность жизнью; запрос к социальной политике; социальное неравенство; общественное мнение; массовые опросы

В последние годы проблемы субъективного благополучия и анализ субъективных оценок социально-экономических процессов все чаще оказываются в центре внимания ученых [см., напр.: 7; 8; 15; 18] и при принятии управленческих решений. В первом случае предметом изучения обычно выступает соотношение субъективных показателей благополучия с традиционными экономическими показателями благосостояния — уровнем дохода, ВВП на душу населения и т.п. Множе-

* © Мареева С.В., 2018.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 14-28-00218.

Статья поступила в редакцию 12.07.2018 г.

ство экономических работ посвящено подтверждению, опровержению или попыткам модификации «парадокса Истерлина» [8], согласно которому в долгосрочном периоде экономический рост не повышает уровень счастья в обществе, хотя в отдельных странах более высокий уровень дохода связан с более высоким уровнем счастья, т.е. субъективного благополучия [16]. Для социологов же субъективное благополучие — предмет изучения в связке с ценностями общества, социальным контекстом, формирующими поведенческие стратегии, и социальной напряженностью.

О необходимости учета субъективных показателей при принятии управленческих решений говорится не только в периоды социально-экономических потрясений, когда мониторинг субъективного благополучия и неблагополучия необходим для своевременного обнаружения точек социальной напряженности: субъективное благосостояние — важный элемент интегральной оценки благосостояния общества. Яркий пример — доклад Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (доклад Стиглица—Сена—Фитусси) в 2009 году, в котором подчеркивается, что экономическое измерение благосостояния недостаточно, его динамика может противоречить восприятию реалий жизни населением и подрывать доверие к государству и его политике [11].

Авторы доклада рекомендуют включить измерение субъективного благосостояния в статистические исследования для оценки интегрального качества жизни и отслеживания его изменений. В этой логике уже действуют разные международные организации: оценки удовлетворенности жизнью в целом или повседневностью, субъективное финансовое и физическое благополучие и др. включены в ряд международных индексов качества жизни (например, в Индекс лучшей жизни ОЭСР).

Впрочем, исследователи, работающие с социальными индикаторами, отмечают, что эта идея не нова — во многих странах индикаторы субъективного благополучия используются для оценки и мониторинга качества жизни с 1970-х годов, но вне официальной статистики [17].

В России субъективное благополучие населения претерпело ряд трансформаций в ходе социально-экономических изменений последних 25 лет. Начало реформ отразилось в снижении уровня объективного благополучия россиян, индикатором которого стало массовое обеднение, и субъективного благополучия. Данные эмпирических исследований показывают, что в 1990-х годах большинство россиян отмечали ухудшение своего социального положения и утрату статуса; до середины 2000-х годов происходили разнонаправленные перемещения россиян «социальной лестнице» на фоне общей тенденции роста наполняемости «нижних» ступеней социальной структуры [3; 12].

Однако по мере адаптации экономики и населения страны к новым реалиям объективное и субъективное благополучие стали улучшаться, но этот вектор не всегда был устойчив — свои корректировки вносил каждый последующий кризис, снижая самооценки россиянами разных сторон своей жизни. Сила этого влияния и период восстановления субъективного благополучия россиян в каждый период также отличались [1; 3; 9].

На фоне нынешнего длительного падения реальных доходов населения в условиях сохраняющегося небольшого «запаса прочности», характерного, однако,

только для некоторых групп [5], встают вопросы о том, как население оценивает разные аспекты своей жизни, каковы контуры зон субъективного благополучия и неблагополучия и какие вызовы ставит эта ситуация перед государством.

В российской научной литературе неоднократно исследовался общий уровень удовлетворенности россиян своей жизнью, его динамика [4], а также причины удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью. Так, для общей удовлетворенности жизнью россиянам необходимы возможности нормального удовлетворения базовых физиологических и социальных потребностей, а неудовлетворенность жизнью обычно обусловлена невозможностью удовлетворения базовых потребностей или реализации желаемой жизненной модели [13]. Ниже будут рассмотрены особенности групп, характеризующихся высокой и низкой степенью субъективного благополучия, на основе тех оценок, что они дают различным аспектам своей жизни. Эмпирической базой статьи выступили данные нескольких волн мониторинга, реализуемого в 2014—2018 годы Институтом социологии ФНИСЦ РАН, а также данные исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенного в 2011 году.

ОЦЕНКА РОССИЯНАМИ СВОЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Неоднократно отмечалось, что россияне склонны давать в целом удовлетворительные оценки, а среди выбирающих один из полюсов преобладают позитивные оценки, что подтвердилось данными 2018 года (табл. 1; здесь и далее не представлен ответ «удовлетворительно»). Негативные оценки преобладали над позитивными применительно к материальному положению, возможностям отдыхать в период отпуска и получать качественную медицинскую помощь — это самые болезненные точки в повседневной жизни населения.

Таблица 1

Оценка россиянами различных аспектов своей жизни, 2011—2018, %

Аспекты жизни	2011		2014 (весна)		2018 (весна)	
	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Материальная обеспеченность	14	24	22	17	15	23
Питание	36	7	44	5	34	6
Возможности одеваться	23	10	33	9	26	10
Состояние здоровья	24	13	33	13	28	14
Жилищные условия	—	—	37	10	33	14
Отношения в семье	55	4	61	3	58	4
Возможности досуга	27	16	35	13	28	20
Ситуация на работе	25	11	30	8	24	12
Возможность отдыха в период отпуска	20	29	27	18	19	27
Возможность общения с друзьями	—	—	55	4	51	4
Возможность реализовать себя в профессии	24	20	28	14	25	17
Возможность получения необходимых знаний и образования	22	19	27	15	27	16
Положение, статус в обществе	25	10	32	7	26	9
Уровень личной безопасности	15	16	27	10	28	8
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	—	—	—	—	13	34
Жизнь в целом складывается	28	7	37	4	27	7

По сравнению с 2011 годом качественных изменений в оценках россиянами разных аспектов своей жизни не произошло, за исключением улучшения уровня личной безопасности. Однако в ходе последнего кризиса в этих оценках заметны колебания, затрагивающие, прежде всего, возможности удовлетворения базовых потребностей: по сравнению с весной 2014 года, точки замера до кризиса, к 2018 году у россиян снизились оценки материального положения, питания, одежды, досуга, отпуска, положения в обществе. Поскольку возможности удовлетворения базовых потребностей напрямую влияют на общую удовлетворенность жизнью, неудивительно, что снизилась и она — доля оценок своей жизни как «хорошей» упала с 37% до 27%. Снижение субъективного благополучия затронуло и нематериальные аспекты жизни — ухудшились оценки состояния здоровья и ситуации на работе. Таким образом, динамика оценок россиянами своей жизни в 2011—2014 годы была позитивной, но кризис привел к обратной тенденции, и сегодня ситуация вновь близка к 2011 году.

ЗОНЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

В связи с особенностями оценок субъективного благополучия «механически» выделять группы россиян по преобладанию позитивных или негативных оценок нельзя — необходимо учитывать общие закономерности распределения оценок по разным аспектам жизни. Для определения субъективно благополучных и неблагополучных россиян был использован кластерный анализ: для классификации были отобраны показатели, связанные с потребительскими аспектами жизни — субъективные оценки материальной обеспеченности, питания, возможностей одеваться, жилищных условий, возможностей проведения досуга и отпуска, доступ к качественной медицине и оценка жизни в целом.

Двухэтапный кластерный анализ позволил выделить три кластера россиян, отличающихся оценками своей жизни. У россиян в зоне субъективного благополучия положительные оценки, в отличие от «среднего россиянина» и представителей субъективно неблагополучной группы, доминируют над отрицательными и удовлетворительными. Наиболее позитивно они оценивают удовлетворение своих базовых потребностей — питание и одежду, но и остальные аспекты не сильно от них отстают, включая интегральную оценку жизни в целом (хорошая у 73% этой группы). Наиболее низкие оценки представителей зоны субъективного благополучия получили две сферы их жизни — медицина и возможности отдыха (табл. 2), проблемные для населения в целом. Зона субъективного благополучия объединила 24% россиян.

Иная ситуация у представителей второго кластера — зоны субъективного неблагополучия. По ряду аспектов у них доминируют негативные оценки, что не свойственно «среднему россиянину»: материальное положение (53% оценок «плохо»), возможности отдыха в период отпуска (60%) и получения медицинской помощи (66%). При этом у них доминирует нейтральная, а не негативная интегральная оценка жизни — 83% считают, что жизнь складывается удовлетворительно, хотя еще 15% оценили ее как плохую (при 6% россиян в целом и 0% субъективно благополучных россиян). Зона субъективного неблагополучия охватила 41% населения.

**Удовлетворенность потреблением и уровнем жизни
в группах с разным уровнем субъективного благополучия, 2018, %**

Аспекты жизни	Зона субъективного благополучия		Зона субъективного неблагополучия	
	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Материально обеспечены	60	1	0	53
Питаетесь	98	0	5	14
Одеваетесь	98	0	2	24
Жилищные условия	74	2	14	26
Возможности проведения досуга	68	3	4	44
Возможность отдыха в период отпуска	54	6	2	60
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	36	11	2	66
Жизнь в целом складывается	73	0	2	15

Третий кластер — промежуточный — характеризуется доминированием удовлетворительных оценок (не менее $\frac{2}{3}$ по каждому аспекту). В кластер входит 35% россиян.

В отношении аспектов, которые связаны с потреблением, субъективное благополучие отражается в высоких оценках всех аспектов жизни, а субъективное неблагополучие — в ярко выраженной неудовлетворенности материальным положением и возможностями отдыха и отпуска, а также удовлетворительными, средними оценками остальных аспектов. Доступ к качественной медицине, в том числе платной, представляет сегодня общую «болеву точку», хотя представители зоны субъективного благополучия реже страдают от его отсутствия.

Поскольку при выделении зон использовались оценки тех сторон жизни, которые в основном относятся к потребительским возможностям, интересным представляется вопрос, различаются ли представители выделенных кластеров в оценках других сфер — социальных отношений, возможностей инвестиций в человеческий капитал, ситуации на работе и со здоровьем.

Выделенные группы действительно представляют собой зоны субъективного благополучия и неблагополучия в широком смысле, выходящем за границы потребительских возможностей (табл. 3). Среди представителей зоны субъективного благополучия доминируют положительные оценки, а у представителей зоны субъективного неблагополучия доля негативных оценок превышает долю позитивных (при доминировании средних) по всем аспектам, кроме сферы социальной жизни, хотя и в ней очевидны различия благополучных и неблагополучных россиян.

Нельзя не отметить, что принадлежность к той или иной группе тесно связана с интенсивностью и специфичностью проблем, с которыми россияне сталкиваются в повседневной жизни. Причем дифференциация этих групп вновь оказывается связана не только с проблемами материального характера, но и с ситуацией на работе, здоровьем и медициной, опасениями по поводу отсутствия социальных гарантий и др. (табл. 4). Показательно, что единственная проблема, которая чаще встречается у представителей зоны благополучия — отсутствие времени на все необходимые дела, что лишь подчеркивает качественно разные жизненные ситуации двух полярных групп.

Таблица 3

Удовлетворенность разными аспектами жизни, не связанными с потреблением, в группах с различным уровнем субъективного благополучия, 2018, %

Аспекты жизни	Зона субъективного благополучия		Зона субъективного неблагополучия	
	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Состояние здоровья	63	2	10	27
Отношения в семье	87	1	44	8
Ситуация на работе	58	3	5	24
Возможность общения с друзьями	81	1	35	8
Возможность реализовать себя в профессии	60	5	7	33
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	63	2	8	33
Ваше положение, статус в обществе	64	2	8	18
Уровень Вашей личной безопасности	57	2	12	15
Возможность выражать свои политические взгляды	57	7	15	26

Таблица 4

Проблемы, с которыми за последний год сталкивались представители групп с разным уровнем субъективного благополучия, %
(не более трех ответов; представлены варианты, набравшие более 10%)

Проблемы	Зона субъективного благополучия	Зона субъективного неблагополучия
Плохое материальное положение	13	62
Проблемы, связанные со здоровьем	18	37
Проблемы, связанные с работой	12	25
Проблемы с получением необходимой медицинской помощи	8	22
Семейные проблемы	14	17
Проблемы с жильем	7	15
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы, инвалидности	4	12
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	16	11
Не сталкивались за последний год с серьезными проблемами	41	4

Таким образом, зоны объективного и субъективного благополучия определяются не просто нехваткой или достаточностью доходов, но и жизненными обстоятельствами, с которыми их представители вынуждены считаться, а также их возможностями самостоятельно справиться с проблемами. Представители зоны субъективного неблагополучия не только чаще сталкиваются с теми или иными проблемами, но и в большинстве своем ощущают неспособность справиться с ними самостоятельно.

Показательно, что к «самодостаточным» россиянам [2], которые считают, что смогут обеспечить себя и не нуждаются в поддержке государства, относятся 76% благополучной и 28% неблагополучной зоны; остальные отмечают, что без поддержки государства им и их семье не выжить (50% неблагополучных россиян называют основными источниками дохода пенсии и пособия).

Ощущение беспомощности перед жизненной ситуацией отражается и в особенностях мировосприятия неблагополучной группы: только 35% считают, что человек — сам кузнец своего счастья, успех и неудачи находятся в его руках, в то время как 65% согласны с тем, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами, а не собственными усилиями. В благополучной группе это соотношение обратное — 77% и 23%.

ЗАПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗОН БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ К ГОСУДАРСТВУ

В качественно отличающихся жизненных ситуациях с учетом разных возможностей представителей двух зон самостоятельно справиться с проблемами неудивительно, что их взаимоотношения с государством также различаются. Запрос на помощь со стороны государства гораздо ярче выражен среди неблагополучных россиян. Причем этот запрос относится отнюдь не только к материальной поддержке, которая заняла лишь третье место в рейтинге проблем, в которых население ждет помощи государства (рис. 1).

Рис. 1. Проблемы, в решении которых россиянам требуется государственная поддержка и содействие, 2018, % (доля отметивших справедливую оплату труда рассчитана от числа работающих)

Лидирующий запрос всего населения — на обеспечение государством справедливой оплаты труда [6]. Только 13% работающих россиян считают, что получают не меньше, чем заслуживают, 44% с этим не согласны (остальные выбирают промежуточную позицию). Но за средними значениями скрывается высокая дифференциация: если в зоне субъективного благополучия эти доли составляют 20% и 26%, то в зоне неблагополучия — 11% и 57%, поэтому среди них настолько выражен запрос на обеспечение справедливой оплаты труда. На втором месте — еще одна уже отмечавшаяся «болевая точка» российского общества — доступ к медицинской помощи, особенно учитывая, что представители зоны неблагополучия чаще сталкиваются с проблемами со здоровьем и ниже оценивают свой

доступ к медицинским услугам. На вопрос, удастся ли им контролировать состояние своего здоровья (профилактические осмотры, сдача анализов и пр.), три четверти из них отвечают отрицательно, а еще 9% говорят, что не имеют такого желания (среди благополучных — 39% и 9%).

Какие вызовы ставит сложившаяся ситуация перед государством? Субъективное неблагополучие связано не только с уровнем доходов, но и с отсутствием возможностей решить те проблемы, с которыми сталкивается попадающее в эту зону население, а потому решение его проблем не может носить только монетарный характер. Преодоление кризиса и восстановление тренда на повышение доходов россиян может сузить зону субъективного благополучия, но не искоренит проблему — необходимы меры социальной и экономической политики, связанные с ключевыми болевыми точками — рынком труда и системой здравоохранения. Сложной задачей представляется и идентификация тех, кто мог бы стать объектом социальной поддержки и мер социальной политики, поскольку монетарный критерий неэффективен, что ставит вопрос о локализации зон благополучия и неблагополучия в российском обществе.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЗОН БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Выделенные зоны не так сильно связаны с уровнем дохода, как можно было бы предположить. Хотя душевой доход среди субъективно благополучного населения заметно выше (медиана — 20 000 против 12 500 рублей), но более значительна его дисперсия. Кроме того, в зоне субъективного благополучия оказываются как высокодоходные россияне, так и представители низко- и среднедоходных групп, хотя их распределение отличается от характерного для зоны субъективного неблагополучия (табл. 5).

Таблица 5

Доходная стратификация [согласно 14], 2018, %

Доходные группы	Зона субъективного благополучия	Промежуточная зона	Зона субъективного неблагополучия
Низкодоходные (менее 0,75 медианы)	13	24	40
Медианная группа (0,75—1,25 медианы)	31	34	38
Среднедоходные (1,25—2 медианы)	37	34	18
Высокодоходные (более 2 медиан)	19	8	4

Несмотря на разные соотношения полярных доходных групп в их составе, все три зоны характеризуются преобладанием срединных слоев — медианной и среднедоходной групп. Это означает, что одинаковый уровень доходов может характеризовать разное пространство возможностей и рисков, связанных со спецификой жизненной ситуации, что приводит к различиям и в уровне субъективного благополучия. При этом самооценка материального положения гораздо сильнее связана с зонами субъективного благополучия, чем с принадлежностью к той или иной доходной группе (коэффициенты корреляции — 0,7 и 0,3), т.е. важную роль в формировании ощущения благополучия или неблагополучия играет

не уровень дохода как таковой, а его субъективное восприятие, которое может значительно отличаться в зависимости от референтных уровней доходов социального окружения, специфики трат (например, наличия крупных неэластичных расходов, нивелирующих относительно высокие доходы в абсолютном выражении), соотношения реального и желаемого или «справедливого» уровня доходов и пр.

Что касается пространственной локализации зон субъективного благополучия и неблагополучия, то здесь выделяются мегаполисы — в них ниже доля субъективно неблагополучного населения (25% при 42% по стране в целом) и выше доля субъективно благополучного (29% при 24%). В другую сторону выделяются поселки городского типа: в них наиболее высока удельная доля представителей субъективно неблагополучного кластера (53%) при минимальной, на фоне других поселений, доле благополучного (18%). В целом неблагополучная зона характеризуется четким смещением в сторону небольших поселений и сельской местности, а благополучная распределена более равномерно.

Различаются кластеры и возрастным составом: в субъективно благополучном кластере медианный возраст составляет 39 лет, в субъективно неблагополучном — 45, а доля населения в возрасте 60 лет составляет в них 11% и 24% соответственно. Если посмотреть на это распределение иначе, то среди населения старше 60 лет более половины относятся к зоне субъективного неблагополучия (55%), что подчеркивает роль возраста в субъективном благополучии в России.

Если выделить только работающих россиян, то шансы оказаться в зоне субъективного благополучия наиболее высоки у руководителей высшего звена (более 60% в этой зоне при среднероссийском показателе среди работающих в 26%), а также руководителей среднего или низшего звена (43%). Высоки, по сравнению со среднероссийскими, шансы на субъективное благополучие и у других представителей «среднего класса» — специалистов с высшим образованием (32%) и предпринимателей (42%).

На другом полюсе оказались рабочие со средней и низкой квалификацией (их шансы оказаться в зоне субъективного благополучия — 17% и 9%, в зоне неблагополучия — 46% и 59%). К ним оказались близки и рядовые работники торговли и сферы бытовых услуг, которые также на фоне остальных россиян имеют более высокие шансы оказаться в зоне субъективного неблагополучия и более низкие — в зоне субъективного благополучия.

Таким образом, субъективное благополучие локализуется среди относительно молодых представителей среднего класса, проживающих в крупных городах, в то время как пожилые россияне, зависящие от государственной поддержки, и рабочий класс (в том числе условный «новый» рабочий класс, объединяющий работников нефизического, но рутинного и не требующего высокой квалификации труда), особенно при сопутствующем сельском образе жизни, попадают в зоны субъективного неблагополучия.

Россияне в последние годы были склонны давать удовлетворительные оценки разным аспектам своей жизни, а среди тех, кто все же выбирал тот или иной полюс, обычно преобладали позитивные оценки. До 2014 года практически

по всем позициям, отражающим как материальные, так и нематериальные аспекты качества жизни, наблюдались улучшения, выражающиеся в росте доли позитивных оценок. Однако кризис, начавшийся в 2014 году, развернул обратную тенденцию, и сегодня ситуация близка к 2011 году, а наблюдавшийся до кризиса позитивный рост, отражающий улучшение субъективного благополучия россиян, нивелирован.

Выделенная на основании оценок разных аспектов жизни зона субъективного благополучия в современной России не велика — она объединяет около четверти россиян (24%), в то время как зона субъективного неблагополучия охватывает 41% населения, а остальные 35% занимают промежуточное положение. Субъективное благополучие отражается сегодня в высоких оценках всех аспектов жизни, в том числе тех, которые не относятся напрямую к потреблению, а субъективное неблагополучие — в неудовлетворенности материальным положением и возможностями отдыха и отпуска, а также в нейтральных оценках остальных аспектов жизни. При этом зона субъективного неблагополучия формируется на основе объективных проблем, и это не только низкий уровень дохода, но и проблемы, связанные с положением на рынке труда, здоровьем и пр., которые сами россияне не в состоянии решить. Поэтому неудивительно, что большую роль в формировании ощущения субъективного благополучия или неблагополучия играет не уровень дохода как таковой, а его восприятие, обусловленное конкретной жизненной ситуацией (специфика расходов, проблемы, которые затрудняют жизнь, и т.п.). Зона благополучия локализуется в молодом городском «среднем классе», а зона неблагополучия смещена в сельскую местность, старшие возраста и сферу занятости физическим трудом.

Представители выделенных зон дифференцируются и по своим запросам к социальной политике, хотя речь идет скорее об интенсивности этого запроса, чем о его содержании. Ключевые сферы, в которых все население ждет сегодня помощи от государства — обеспечение справедливой оплаты труда и налаживание работы системы здравоохранения. Без решения этих проблем зона субъективного неблагополучия вряд ли будет сокращаться даже в условиях роста доходов населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] 10 лет российских реформ глазами россиян. Аналитический доклад ИКСИ РАН и РНИСиНП. М., 2002.
- [2] Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4—16.
- [3] Гудков Л.Д. Парадоксы изучения социальной структуры в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2. С. 207—224.
- [4] Латова Н.В. Удовлетворенность жизнью: динамика и факторы // Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 76—96.
- [5] Мареева С.В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 65—74.
- [6] Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16—26.

- [7] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1. С. 131—155.
- [8] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 2. С. 284—302.
- [9] *Российская повседневность в условиях кризиса* / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.
- [10] *Сальникова Д.В.* Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 4. С. 157—174.
- [11] *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- [12] *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
- [13] *Тихонова Н.Е.* Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 19—33.
- [14] *Anikin V., Lezhnina Yu., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N.* Income stratification: Key approaches and application to Russia. WP BRP Series: Public and Social Policy, 2016.
- [15] *Cummins R.A.* Personal income and subjective well-being: A review // *Journal of Happiness Studies*. 2000. № 1. P. 133—158.
- [16] *Easterlin R.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz* / Ed. by P. David, M. Reder. N.Y.—London: Academic Press, 1974. P. 89—125.
- [17] *Noll H.-H.* The Stiglitz-Sen-Fitoussi-report: Old wine in new skins? Views from a social indicators perspective // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 102. № 1. P. 111—116.
- [18] *Van Praag B., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A.* The anatomy of subjective well-being // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2003. Vol. 51. № 1. P. 29—49.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707

SUBJECTIVE WELL-BEING AND ILL-BEING ZONES IN THE RUSSIAN SOCIETY*

S.V. Mareeva

National Research University “Higher School of Economics”

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Krzhizhanovskogo St, 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: s.mareeva@gmail.com)

Abstract. In recent years, difficult economic conditions in the Russian society have determined the urgency of assessing both objective and subjective well-being of the population. The article aims at identifying boundaries and characteristics of subjective well-being and ill-being in the contemporary Russian society. Based on the all-Russian survey conducted in 2018 by the Institute of Sociology of

* © S.V. Mareeva, 2018.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 14-28-00218.

The article was submitted on 12.07.2018.

the FCTAS RAS and cluster analysis, the author identifies the zones of subjective well-being, ill-being, and an intermediate zone. The zone of subjective well-being is smaller than the zone of subjective ill-being; representatives of the former in general appreciate all aspects of their lives including those not related to income and consumption, while subjective ill-being can be defined by dissatisfaction with one's material situation and leisure and holiday opportunities although together with satisfaction with other aspects of life. The zone of subjective ill-being is determined not so much by low incomes as by the problems its representatives face every day and are not able to solve on their own. Differences in the situation of the representatives of two polar zones lead to their different requests for social policy, which is mostly reflected not in different priorities but in the intensity of the request. The key areas in which the entire population expects assistance from the state are the guarantees of fair wages and functioning health care system. The situation of two groups indicates that without solving these problems the zone of subjective ill-being is unlikely to decline even under the rising incomes. As for localization, the zone of ill-being is typical for rural areas, elders and manual labor, while the zone of well-being is typical for the young urban 'middle class'.

Key words: subjective well-being; subjective ill-being; satisfaction with life; request for social policy; social inequality; public opinion; mass surveys

REFERENCES

- [1] *10 let rossiyskikh reform glazami rossiyan. Analiticheskiy doklad IKSI RAN i RNISiNP* [10 Years of Reforms through the Eyes of the Russians]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [2] Gorshkov M.K., Sedova N.N. "Samodostatochnye" rossiyanе i ih zhiznennye prioritety ["Self-sufficient" Russians and their life priorities]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 12: 4—16 (In Russ.).
- [3] Gudkov L.D. Paradoksy izucheniya sotsialnoy struktury v Rossii [Paradoxes of the Russian social structure studies]. *Istoricheskaja i Socialno-Obrazovatel'naja Mysl*. 2016; 8 (2): 207—224 (In Russ.).
- [4] Latova N.V. Udovletvorennost zhizniyu: dinamika i factory [Satisfaction with life: Dynamics and factors]. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (Eds.) *Rossijskoe obshestvo i vyzovy vremeni*. Moscow: Ves Mir; 2017, 76—96 (In Russ.).
- [5] Mareeva S.V. Monetarnye i nemonetarnye neravenstva v zhizni rossiyan [Monetary and non-monetary inequalities in the Russians live]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 10: 65—74 (In Russ.).
- [6] Mareeva S.V. Spravedlivoe obshestvo v predstavleniyah rossiyan [The Russians' definition of the just society]. *Obschestvennye Nauki i Sovremennost*. 2013; 5: 16—26 (In Russ.).
- [7] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnyh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1): 131—155 (In Russ.).
- [8] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseniya (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2): 284—302 (In Russ.).
- [9] *Rossijskaja povsednevnost v usloviyah krizisa* [Russian Everyday Life under the Crisis]. Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N.E. (Eds.). Moscow: Alfa-M; 2009 (In Russ.).
- [10] Salkovskaya D.V. Istochniki nesoglasovannosti rezultatov issledovaniya vzaimosvyazi ob'ektivnogo i sub'ektivnogo blagopoluchiya [The reasons for inconsistent data on the relationship of objective and subjective well-being]. *Economicheskaya Sotsiologiya*. 2017; 18 (4): 157—174 (In Russ.).

- [11] Stiglitz D., Sen A., Fitoussi JP. *Neverno otsenivaja nashu zhizn: Pochemu VVP ne imeet smysla. Doklad Komissii po izmereniju effektivnosti ekonomicheskogo i socialnogo progressa* [Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gajdara; 2016 (In Russ.).
- [12] Tikhonova N.E. *Sotsialnaja struktura Rossii: teorii i realnost* [Social Structure of Russia: Theory and Reality]. Moscow: Novy Khronograf; 2014 (In Russ.).
- [13] Tikhonova N.E. Udovletvorennost rossiyan zhiznyu: Dinamika i factory [Satisfaction of the Russians with life: dynamics and factors]. *Obshchestvennie Nauki i Sovremennost*. 2015; 3: 19—33 (In Russ.).
- [14] Anikin V., Lezhnina Yu., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N. *Income Stratification: Key Approaches and Application to Russia*. WP BRP Series: Public and Social Policy; 2016.
- [15] Cummins RA. Personal income and subjective well-being: A review. *Journal of Happiness Studies*. 2000; 1 (2): 133—158.
- [16] Easterlin R. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. David P., Reder M. (Eds.) *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz*. New York-London: Academic Press; 1974, p. 89—125.
- [17] Noll H.-H. The Stiglitz-Sen-Fitoussi-report: Old wine in new skins? Views from a social indicators perspective. *Social Indicators Research*. 2011; 102 (1): 111—116.
- [18] Van Praag B., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2003; 51 (1): 29—49.